

ХЬЮБЕРТ СЕЛБИ-МЛ.

КОМНАТА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 8821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

C29

Серия «Эксклюзивная классика»

Hubert Selby Jr

THE ROOM

Перевод с английского В. Осовского

Серийное оформление А. Фереца, Е. Ферец

Дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения Sterling Lord Literistic и The Van Lear Agency LLC.

Селби-мл., Хьюберт.

C29

Комната : [роман] / Хьюберт Селби-мл. ; [перевод с английского В. Осовского]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-183693-1

Здесь все подчинено жесткому распорядку, но время словно бы размазано по серым казенным стенам. Здесь нечего делать, кроме как вспоминать и заново переживать события своей прошлой жизни, оставшейся за дверью. Здесь очень страшно, потому что ты остаешься наедине с человеком, которого ненавидишь, — с самим собой...

«Комната» (1971), второй роман Хьюберта Селби, не был оценен критиками по достоинству. Сам автор утверждал, что эта книга является наиболее болезненной из когда-либо написанных им, и признавался, что в течение двух десятилетий не мог заставить себя перечитать ее. Однако время все расставило по местам, и новые рецензии на «тюремный роман» отдали автору должное.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Hubert Selby, Jr., 1971

© Перевод. В. Осовский, 2020

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-183693-1

*Посвящаю эту книгу с любовью тем тысячам,
что остаются безмянными и знающими*

За секунду до того, как встать перед судом, адвокат коснулся руки подсудимого.

Слегка помедлив, он начал свою речь.

Я прошу для подсудимого не справедливости, но милосердия.

Он осознавал темную неподвижность коридора. Он знал, что там не на что смотреть, и все же продолжал рассматривать отражение своего лица в маленьком окошке. Через коридор, всего в пару метров шириной, можно было разглядеть стену напротив. Он читал надписи над корзинами с грязным бельем — синие рубашки, синие штаны, одеяла, полотенца для рук и для душа... Последние он мог разобрать, лишь прижавшись к стеклу, стоя у края окна. Он снова прочел их слева направо, стоя сначала посредине, сильно напрягая глаза, чтобы прочитать последнюю надпись. Рубашки, штаны — с этим проблем не возникало. Он закрыл глаза. Полотенца для рук, одеяла, полотенца для душа... Точность его не заботила. Он знал, что прав.

Отворачиваясь от тяжелой запертой двери, он посмотрел в зеркало над умывальником. Сейчас, когда его глаза привыкли к ночному освещению, он четко видел свое лицо, вплоть до крошечного пятнышка на щеке. Наклонившись поближе, он потрогал красную точку пальцем. Прыщ. Он попробовал его выдавить, затем опустил руки. Какой смысл? Только кожу портить. Подожду, пока не созреет окончательно... или пока сам по

себе не исчезнет. Кто знает, может и исчезнет — он снова ткнул прыщ пальцем. Прекратив трогать лицо, он слегка отодвинулся назад и уставился на свое отражение, нахмурившись и сузив глаза так, что они превратились в щелчки. Пожав плечами, он отвернулся от зеркала и сел на край койки. Он понимал, что комната лишь слегка освещена по сравнению с тем, как это было днем, но по ощущениям яркость осталась такой же, как и в дневное время. Конечно же, так только казалось. Но если так кажется, значит, так оно и есть, да? Прямо сейчас в комнате светло, как на пляже в солнечный день.

Но ты знаешь, что это неправда. Ты знаешь, что так только кажется, и это происходит потому, что ты к этому привык. И когда они включают все лампы, так полыхнет, что ты не сможешь и глаз раскрыть, а затем, через какое-то время, тебе покажется, что так всегда и было, до тех пор, пока они их не погасят, включив ночное освещение, и сразу станет очень темно, пока твои глаза не привыкнут к этому, и тогда будет казаться, что яркость света такая же, как и была прежде. Всегда одно и то же — ты привыкаешь к чему-то, а потом это что-то меняется. Привыкаешь к новым обстоятельствам, и они тоже меняются, снова и снова. Раз за разом. Всегда.

Ну и черт с ним. Неважно. Еще не ночь и я недостаточно устал, чтобы уснуть. Зря я вздремнул сегодня днем. Было бы хоть какое-нибудь чтиво, возможно, я бы утомил глаза и уснул. Хотя нет никакой разницы, когда именно я сплю — днем

или ночью. Время в сутках всегда одинаковое — те самые двадцать четыре часа, — и их нужно как-то прожить. Однако чем больше ты спишь, тем быстрее проходит время. Как в канун Рождества в детстве — не можешь дожидаться утра, чтобы посмотреть, что тебе принес Санта-Клаус. Знаешь ведь, что, как только ты уснешь, наступит утро. И это все, что требуется. Просто уснуть, проснуться и вылезти из кровати, и вот ты уже срываешь оберточную бумагу с подарков. Уснуть тогда тоже было непросто. Однако ты знал, что, как только ты уснешь, тут же наступит утро, неважно, насколько далеко оно было. Уснешь, и уже утро, думал ты. Но уснуть было непросто. Тем не менее время шло, и в конце концов ты засыпал. При чем засыпать было так же непросто даже тогда, когда ты понял, что никакого Санта-Клауса не существует.

Хрен с ним.

Как бы то ни было — время будет течь. Но иногда оно течет чертовски медленно. Иногда оно будто еле-еле волочется, и кажется, что оно весит целую тонну. Виснет на тебе, как обезьяна. Будто хочет тебя обескровить. Или выдавить из тебя кишки. А иногда оно летит. Просто летит! И улетает куда-то, еще до того, как ты это заметил. Как будто время существует лишь для того, чтобы ты почувствовал себя ничтожным. У времени лишь одно предназначение: выжать тебя досуха. Раздавить. Связать тебя в узлы и заставить почувствовать собственную ничтожность. Да, было бы круто, если бы можно было спать по 12–16 часов в день. Но такого не происходит. Возможно, раз

в неделю. Такое может получиться, если несколько дней кряду спать по чуть-чуть. А потом ты снова там же, где начал, — пытаешься уснуть, чтобы чертово время прошло.

Сумасшедшие ублюдки из седой старины тратили свои тухлые жизни, наблюдая за звездами и подобной херней, чтобы понять, где они будут... Помешанные на времени. Никаких телескопов. Никаких часов. Просто пытались раскусить время. Тысячи таких вот. Тысячелетиями. Сидели на своих жопах, уставившись в небеса. И все, что их беспокоило, это идиотские звезды и планеты. И как только они могли таким заниматься, вот так вот запросто тратить свою мудацкую жизнь, уставившись в небо? Некоторые из этих придурков доживали до 80—90 лет. День за днем. Ночь за ночью. Бред. Они точно психами были. И что они с этого получили? Узнали, в каком месте окажется Марс через десять тысяч лет. Охренеть, достижение! Дебильнейшая трата времени. И к чему это их привело? А? Ну, разобрались они в этом дерьме, а потом либо сдохли, либо по-прежнему сидят на жопе, уставившись в чертово небо. Вернулись к тому, с чего начали.

Ты всегда возвращаешься туда, откуда начинал. Без разницы, что происходит. Снова в той же клоаке. Даже если сутки напролет спать, все равно вернешься туда, где начал. Сидишь на краешке кровати целые сутки и все ждешь, когда придет сон, уставившись в проклятую стену. Чертов ночной свет мерцает, а твои глаза открыты.

Хорошо, хоть стена серая.

Серая.

Цветом почти как шаровая краска, в которую красят военные корабли. Глаза от нее не устают. Хреновенько было бы с постоянно включенным ночным освещением без такой вот блестящей стены, сияющей тебе в лицо.

Точно. Вот откуда этот серый, как у крейсера, цвет. Сколько мне тогда было? Наверное, 8 или 9. Он был в моем чулке с подарками на Рождество. Как этот крейсер назывался, не помню, но клеим он вонял будь здоров.

Кажется, мама помогла мне его склеить. Обычно-то она мне помогала. Пару дней мы его клеили. Может, и больше. Я тщательно обработал клеящиеся поверхности наждачкой. Клей был из тех, что сохнут целую вечность. Надо было подолгу аккуратно прижимать склеенные части друг к другу, пока клей сохнет. И делать это рядом с открытым окном. Вонь была ужасной. Кажется, покрасить крейсер в серый цвет было моей идеей.

Или нет? Возможно, в инструкции было написано покрасить его в серый.

Как бы то ни было, помню, как покупал краску для этого дела. В хозтоварах через улицу. Маленькая баночка всего за десять центов. Столько же стоил сэндвич с ветчиной и картофельным салатом в кулинарии Kramers. Выглядел крейсер после покраски так себе, может быть, дело было в краске, не знаю. Чего-то не хватало. С моделями самолетов такая же история. Они никогда не выглядят так, как должны были бы выглядеть. Однако было забавно их собрать, чтобы потом

поджечь. Сгорали они быстро, это да. Вот уж точно было невероятной тупостью в поте лица клеить эти сраные модельки. Тратил кучу времени, и что в итоге? Модель самолета. Тупейшая херня.

К черту.

Лучше смотреть на бетонный пол в попытках создать из испещряющих его пятнышек разнообразной формы какие-нибудь образы. Это гораздо легче получается, когда смотришь на плывущие по небу облака. Он внимательно изучал взглядом пол, но чем дольше смотрел, тем быстрее пятнышки на полу сливались в монолитную серую массу. В конце концов, внимательно изучив каждый доступный глазу дюйм пола, его взгляд достиг двери. Он посмотрел на маленькое окошко. Да, знаю — рубашки, штаны, полотенца, одеяла. Назад, вперед — вперед, назад.

Он посмотрел на стену, прикрыл глаза и откинул голову назад. СЕВЕР, СЕВЕРО-СЕВЕРО-ВОСТОК, СЕВЕРО-ВОСТОК, ВОСТОК СЕВЕР ВОСТОК, ВОСТОК; ВОСТОК ЮГО-ВОСТОК, ЮГО-ВОСТОК, ЮГО-ЮГО ВОСТОК, ЮГ; ЮГО-ЮГО-ЗАПАД, ЮГО-ЗАПАД, ЗАПАД ЮГО-ЗАПАД, ЗАПАД, ЗАПАД СЕВЕРО-ЗАПАД, СЕВЕРО-ЗАПАД, СЕВЕРО-СЕВЕРО-ЗАПАД. СЕВЕР. Да, все правильно. Давай посмотрим на СЕВЕР, СЕВЕРО-СЕВЕРО-ЗАПАД, СЕВЕРО-ЗАПАД, ЗАПАД СЕВЕРО-ЗАПАД, ЗАПАД; ЗАПАД ЮГО-ЗАПАД, ЮГО-ЗАПАД, ЮГО-ЮГО-ЗАПАД, ЮГ; ЮГО ЮГО-ВОСТОК, ЮГО-ВОСТОК, ВОСТОК ЮГО-ВОСТОК, ВОСТОК; ВОСТОК СЕВЕРО-ВОСТОК, СЕВЕРО-ВОСТОК, СЕВЕРО-СЕВЕРО-ВОСТОК, СЕВЕР.

Да, опуская голову и открывая глаза — компасом по-прежнему могу пользоваться. Вдоль и поперек. Господи, лет двадцать пять прошло. Больше. Был лучшим в отряде. И следопытом тоже. Думаю, и узлы я тоже смог бы вязать как раньше — колышку, двойную восьмерку, морской узел, беседочный... Он закрывает глаза и вспоминает иллюстрации из руководства для скаутов, потом открывает глаза и кивает: да, запросто мог бы вязать узлы. Там их было больше, точно не вспомнить... еще там были полужытк, мертвый узел. точно. да.

Почти забыл о них. Пожалуй, у нас был самый маленький отряд в городе, по крайней мере, в Бруклине. Ну и весело было, откидывая голову назад, подумал он с улыбкой, особенно игра в догонялки. Хэнсон меня сделал в тот раз. Я попытался сбить его с ног, но он все равно меня обошел. Мы себя не жалели, это точно.

Как тогда, когда я попытался загасить Пи Ви Дэя. Надо было вывести его из игры за то, что он заступил за линию, но я бросился ему под ноги головой вперед, вместо того чтобы сбить гада плечом. Само собой, приземлился на задницу. Весь дух из меня выбил. Глупо было на него так кидаться. Надо было сбоку налетать, тогда бы я его точно снес. Проход был бы обеспечен. Никого в пределах 10—12 ярдов от нас. Тупой сукин сын.

Выиграл ли он тогда? Не думаю, что та ситуация сильно нам навредила. Какая, к черту, разница. Ну, просрал я тот проход, и что? Он закурил с вызывающим выражением лица, наблюдая за дымом, спираля-

ми струящимся с кончика сигареты и расплывающимся по комнате.

Для чего тут вообще вентиляторы? Ни хрена не работают. Можно прямо на них дымить. Вообще ничего не всасывают. Дым висит себе и висит. Вообще никакой вентиляции. Запирают тебя в комнате 2 на 4 метра, да и хрен с тобой. Кучка мерзких трусливых ублюдков. Кто они такие вообще, чтобы запирать мужика в чертовой мышиной норе? Никогда о таком дерьме не слышал. Я им устрою. Снесу крышу всему чертовому полицейскому департаменту. Заодно и гнилой тюремной системе — сигарета летит в угол. Я им, бля, покажу, кто есть кто. Эти суки у меня попляшут. Вся их вонючая, мерзкая кучка — он сбивает подушку, укладывает ее у стены и растягивается на койке, кладет руки под голову и закрывает глаза

Редактору и Издателю:

Джентльмены:

Хотелось бы обратить ваше внимание и внимание ваших читателей на вопиющую ситуацию, происходящую в нашем штате. Считаю своим долгом и обязанностью привлечь внимание народа к данному беззаконию.

Существует — *нет, не так.*

Мы живем в неофашистском полицейском государстве. Куда бы вы ни пошли, что бы вы ни делали, вы постоянно пребываете под микроскопом слуг государства в полицейской униформе. *Да, так-то лучше. Это их точно заденет.*

Конечно же, обычному человеку не разобраться во множестве существующих законов. На самом деле есть множество законов — некоторые написаны сто лет назад, — в которых даже работникам юриспруденции, включая судей, непросто разобраться. К примеру, о том, что плевать на тротуар противозаконно, знают немногие. И это не единственный случай абсурдных законов — их буквально сотни и не менее маразматичных. Так почему же подобным законам позволено существовать? Для того, чтобы у марионеток этого полицейского государства (полиции) были средства для притеснения граждан в любой момент и по любому поводу. Они знают, что любой гражданин, каким бы законопослушным он ни был, не сможет и пяти минут пройти по улице, чтобы не нарушить какой-либо из существующих законов.

Конечно же, найдутся те, кто скажет, что подобные архаичные законы никогда не соблюдаются. Позвольте мне здесь и сейчас вас в этом разубедить. Среднестатистический коп мстителен и без колебаний использует свою власть и положение, чтобы выместить на вас свою злобу по любому — даже выдуманному — поводу. Припаркуйте свою машину в нескольких дюймах от бордюра или бросьте окурок на тротуар, и вы поймете на собственном опыте, что такое злобный коп.

именно так, черт побери, они...

Предположим, вы попытаетесь доказать в суде незаконность ареста. Посмотрим, что из этого выйдет. Вы увидите, как они будут топтать за вами по пятам, следя за каждым вашим шагом, и ждать,

когда вы снова оступитесь и нарушите закон. Гондоны. И они наверняка откапают какой-нибудь закон, который был написан еще в те времена, когда на кораблях были паруса. Они будут продолжать преследовать вас подобно ищейкам, пока не упекут в каталажку (понимаю, конечно, что вас все равно освободят) или пока не доведут до припадка. И вот еще что: сколько раз вы будете объяснять своему начальнику, что не сможете быть на работе, потому что попали в тюрьму? Думаете, вы долго на работе продержитесь? Даже если задержание было незаконным, многие ли могут позволить себе постоянно пользоваться услугами адвокатов?

Полиция об этом прекрасно осведомлена. Они знают, что отдельно взятому гражданину не выстоять перед их организованным натиском. За ними стоит Власть Государства.

Пришло время народу этого государства осознать реальную и потенциальную опасность, угрожающую ему. Если мы промедлим еще хоть немного и не предпримем меры по сдерживанию этой фашистской раковой опухоли, то очень скоро просядемся от ударов топоров, которыми штурмовики ломают наши двери, чтобы вытащить нас из наших постелей.

Я не преувеличиваю, потому как сам являюсь одной из жертв этого заговора.

отличная идея, кстати.

Это письмо может подвергнуть опасности меня и того, кто тайно вынес его из тюрьмы. По этой причине я не могу написать свое имя или назвать место моего заключения.

Он перечитал свое письмо, удовлетворенно кивая и подчеркивая некоторые слова и предложения.

Это должно сработать. Должно поднять волну. Возможно, они постараются как-то заставить меня замолчать, но хрен у них что получится. Что бы они ни делали, мне плевать. Они могут избивать меня, сколько им хочется, держать меня в карцере сколько угодно, но я не сломаюсь. У них никогда не получится меня сломать. Им придется меня убить, если они хотят заставить меня молчать.

А вот когда письмо будет опубликовано, то они не осмелятся меня убить. С поддержкой той газеты им будет страшно даже прикоснуться ко мне, а не то что убить. Издатель, возможно, будет настаивать на моем освобождении. Газета сможет оплатить мое освобождение под залог, даже если те поднимут сумму. С их влиянием и деньгами с этим проблем не будет. Они даже до губернатора могут пойти. Они по-любому к губернатору обратятся. Законодательные органы проведут расследование, и тогда вся страна — нет, весь мир! — узнает. И вот тогда-то они пожалеют, что меня закрыли. Они пожалеют, что со мной связались. Надеюсь, они не сдохнут от страха. Я хочу, чтобы они жили долго и сожалели о сделанном весь чертов остаток жизни.

Дверь с лязгом открывается и охранник говорит ему, что пришли посетители. Мрачно улыбаясь, он следует за охранником, на ходу разглаживая и поправляя одежду. Его ведут к стулу за барьером, отделяющим заключенных от посетителей. В ком-